

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО

РАССКАЗЫ

Н.Б. Медведская

Наталья Медведская

**Осколки прошлого.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Медведская Н. Б.

Осколки прошлого. Сборник рассказов /
Н. Б. Медведская — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В книгу вошли рассказы, написанные в различных жанрах: фантастики, мистики и реализме. В "Точке падения" молодой психотерапевт видит души людей в образе человечков, с помощью странного дара он решает проблемы пациентов. В "Осколках прошлого" открываются семейные тайны. В "Принце из Денницы" героиня даже не догадывается, что её ждёт в старинном замке и кем окажется красавец из снов. В "Лимонных бабочках" мир для героя рассказа необъяснимая загадка, а в "Гречневой каше" в обыденных вещах вдруг откроется чудесное и необыкновенное. "Подкидыш" подарит одинокой учительнице не только любовь, но и научит бороться за своё счастье.

Содержание

Когда болит душа	5
Точка падения	12
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Когда болит душа

Никита ничего не мог с собой поделать: он снова наблюдал за женой. Его внимательный взгляд следил за каждым её движением. После автомобильной аварии Елена неуловимо изменилась. Нет, внешне она осталась прежней. Красивая хрупкая блондинка с серыми глазами, улыбчивым нежным ртом. Но что-то не давало покоя. Сначала Никита был вне себя от счастья: она осталась в живых, и не обращал внимания на перемены в её характере, психике, поведении. Но за два месяца эти странности накопились, умножились, и ему стало казаться: в больнице жену подменили. Первое потрясение испытал, когда на второй день после выписки из клиники Елена приготовила чай с имбирём. Он взял протянутую кружку с напитком и с удивлением поинтересовался:

– Ты же не любишь имбирь.

Жена вдохнула острый аромат из чашки, нахмурила идеально накрашенные брови.

– Правда? Но ведь это так полезно? – допила чай, вымыла посуду, улыбнулась: – Видимо, после аварии у меня немного изменились вкусы.

«Ничего себе немного! Да прежде имбирь ты не переносила и на дух», – удивился Никита.

В его семье просто обожали этот корешок. Ради Елены он отказался от семейной привычки, имбирь хранился в холодильнике только для гостей. Никита сначала обрадовался переменам. Думал, что после того как дождливым днём машина жены слетела с дороги на обочину и перевернулась несколько раз, Елена долго не сможет сесть за руль. Но он ошибся. Однажды после завтрака жена поинтересовалась:

– Мою машину уже отремонтировали? Я бы хотела повидаться с подругами. За два месяца, что провела в больнице, успела многое пропустить.

Никита поперхнулся чаем. С каких это пор Елена жаждет увидеть подруг? Раньше она неохотно тратила время на пустопорожние беседы в компании бездельниц из светского общества.

– Давай я отвезу тебя. С кем бы ты хотела встретиться?

Жена на секунду задумалась.

– Пожалуй, Жанну. Только не надо меня подвозить. После встречи пройду по магазинам. Тебе ведь надо на работу. А я не люблю возвращаться с покупками на такси. – Елена приблизилась к нему. Чмокнула в щёку. – Чем скорее преодолею страх перед машиной, тем лучше. Психотерапевт посоветовала брать быка за рога – пояснила она.

– Мне приятно, что ты такая отважная, но для моего спокойствия поезжай всё же на такси.

Елена улыбнулась:

– Ну, если ты настаиваешь. Ладно.

К вящему его изумлению жена вызвала воздушное такси. Никита вскинул брови: «Когда только успела преодолеть ещё и страх высоты? Прежде ездила только на допотопных наземных машинах. Мы часто ссорились из-за её упрямства. Хотя я сам этим же страдаю. Она смеялась: мы как два барана». Елена никогда так просто не сдавалась в любом споре и терпеть не могла указаний с его стороны.

В офис он отправился в тревожном расположении духа. Рабочий день не задался с самого начала: сначала отец раскритиковал в пух и прах его новый проект "умного" дома, потом оказалось, что увольняется секретарша, с которой Никита привык работать и нашёл общий язык.

– Слишком смело, авангардно и очень дорого. Такой дом купят только единицы, – заявил Сергей Иванович, меряя шагами кабинет, отделанный красным деревом. Панели на стене, мебель и даже пол – всё было из этого дорогого дерева.

Никита горячо возражал. Он потратил на разработку дома почти полгода.

– Если мы поставим на поток строительство таких домов, то они в скором времени станут по карману большинству.

Отец фыркнул и посмотрел в окно. Отсюда с высоты двадцатого этажа люди казались букашками.

– Богатые люди очень консервативны. А у тебя дом напичкан электроникой и слишком современными материалами. Стены, потолок и пол меняют структуру и цвет по мановению руки. Ты думаешь, кому-то захочется выбирать новый дизайн обоев или плитки пола самому? Вся встроенная мебель – трансформеры. А наши клиенты любят постоянство. У тебя даже не окна, а стены из стекла. Такое ощущение, что находишься не в доме, а посреди леса на опушке, голенький и видимый всеми. Потолок и тот прозрачный...

Никита оглядел кабинет отца в подчёркнуто старинном стиле, его самого высокого, массивного, под стать этой тяжёлой мебели и горячо заявил:

– В том-то и суть. Я добивался абсолютного соприкосновения с природой. Через светопроницаемый потолок днём можно видеть облака, а ночью звёзды. Стены созданы из специальных материалов, пропускающих только полезный спектр солнечного света и настолько прозрачны, что действительно создается полное ощущение, будто их нет совсем. Но они проницаемые только с одной стороны. А потолок при желании легко закрывается матовыми щитами, на окна тоже можно опустить щиты. При всей якобы воздушности конструкции, новые материалы выдерживают выстрел из снайперской винтовки.

Отец покачал головой.

– Наши клиенты не любят открытость. Большинство предпочитает дом-крепость под средневековье. Так они чувствуют себя защищёнными. Вспомни, Авилов захотел скрыть башнями площадку для приземления лётнокаров. А у тебя дом снаружи выглядит, как несколько полушаров, соединённых вместе.

– Отсутствие острых углов позволило гармонизировать внутреннее пространство дома и сделать его более функциональным, – запротестовал Никита. На его смуглых скулах появился румянец. – В закруглённые стены гостиной идеально вписался объёмный кинотеатр, эффект вхождения и присутствия внутри фильма полный.

Сергей Иванович всмотрелся в макет дома и ткнул пальцем в серебристую кабинку.

– А это что за зверь?

Никита наклонился над макетом и щёлкнул пультом. Кабинка осветилась, на стене появились строчки: "Какой цвет одежды желаете выбрать?"

– В доме будет стоять кабинка для напыления одежды. Ты же знаешь, уже появились молекулярные и совершенно безвредные жидкие ткани. Человек может сам выбрать фасон, цвет и структуру ткани.

Отец усмехнулся, узкие губы скривились в презрительной улыбке:

– Видел я эту новую одежду – обтягивающий комбинезон попугайной расцветки. Кошмар! На сколько процентов все эти новшества, включая обычный климат-контроль, озонирование, самоочищение и молекулярную кухню удорожают проект.

Никита отключил кабинку и потёр переносицу пальцем.

– На десять процентов.

Сергей Иванович повернулся на каблуках, смерил сына серьёзным взглядом. Никита очень походил на него в молодости. Когда-то и у него были чёрные густые волосы и не выцветшие, как сейчас, синие глаза, и загар не старил, а делал кожу ровной и гладкой. Он вздохнул, но слова прозвучали твёрдо и чётко:

– Проект нужно доработать. Найди на чём его удешевить, и тогда поговорим снова.

Из кабинета Никита вышел в плохом настроении. Отец отверг его детище вовсе не из-за цены. Их компания могла себе позволить риск и начать строительство новых домов. "Как же консервативны эти старики! Вечно цепляются за прошлое, – думал он, вызывая лифт. – Утешает одно. Само время заставит принять проект, иначе компания окажется в аутсайдерах".

Лётнокар приземлился на площадку, расположенную на крыше дома. Никита спустился по лестнице в гостиную. На его вопрос находится ли Елена дома, компьютер-домоправ ответил: "Хозяйка не возвращалась". Никита удивился, прошло почти шесть часов с момента её ухода. Он нажал на телефоне кнопку вызова жены. Через секунду появилось изображение: Елена сидела за столиком ресторана в компании Жанны и Арины двух самых завязых сплетниц в городе.

– Ты скоро вернёшься? Ужин заказывать на тебя? – поинтересовался он, с неудовольствием замечая на столе у женщин спиртное. "О чём она только думает, а как же лекарства? Надеюсь, эти придурочные не уговорили её выпить".

– Дорогой, ужинай без меня. Мы с девочками собирались сходить на выставку абсурдистских картин Малера. Если хочешь, присоединяйся к нам, – великодушно предложила Елена.

На весёлом лице жены горел румянец. Никита почувствовал досаду, но тут же укорил себя: "Нужно радоваться, что она жива, и благодарить Бога за это, а не злиться"

– Нет. Спасибо. Ты же знаешь, я терпеть не могу уродские мусорные картины Малера. Нет никакого удовольствия лицезреть это убожество. А если тебе хочется, что ж – иди. – Он отключил изображение, а звук ещё остался. Никита услышал манерный голос Жанны: "Аленушка, ты, конечно, извини, но у Ники, совсем нет вкуса". И грудной смех жены: "Да мой супруг чуточку консервативен, совсем, как его отец".

Кровь прилила к лицу Никиты. Когда-то Елена считала, что он совсем не похож на отца, а чудовищно-безвкусные картины модного художника раньше не переносила и на дух. Что происходит с женой? В задумчивости он заказал домоуправу суп с грибами и овощной салат.

– Что желаете на десерт? – напомнил ему чуть металлический голос робота-помощника.

– Ах, да. Пирог с вишнями и зелёный чай.

Через десять минут домоуправ сообщил о выполненном заказе. Никита достал готовые блюда из шкафа автоповара и расположился в гостиной. Без аппетита съел суп и салат, к пирогу не притронулся. Запив ужин чаем, отправился в свой кабинет. Он успел хорошо поработать над проектом дома прежде, чем в открытое настежь окно услышал звук садящегося лётнокара.

– Милый, ты где? Ау!

На пороге кабинета появилась жена. Шагнула к нему и покачнулась.

– Ты сошла с ума? Опасно мешать таблетки с алкоголем, – испугался Никита, подхватывая её. От Елены пахло спиртным и духами с сильным приторно сладким запахом.

– Я абсолютно здорова, а таблетки врач отменил сегодня утром. Не будь занудой, дорогой, пошли в постельку. – Жена приподнялась на цыпочки, обхватила его обеими руками за голову и принялась страстно целовать.

У Никиты появилось ощущение, что его целует абсолютно незнакомая женщина, от которой разило отвратительными духами. Он пересилил себя и ответил на поцелуй жены. Они переместились в спальню. Алена по пути ухитрилась избавиться от своей одежды, успела снять рубашку и с него. Вместо нежной и ласковой женщины, на этот раз в постели оказалась рычащая пылкая самка. Она возбудила его невероятно, но ощущение чужеродности только усилилось. После сумасшедшей страсти Никита почувствовал себя опусто-

шённным и обманутым. На этот раз не случилось прежнего единения душ, он ощутил себя обделённым. Их первая после аварии ночь разочаровала и даже слегка напугала его. Он приподнялся на локте и долго изучал лицо спящей жены в мягком теплом свете ночника.

Утром Никита отправился в клинику, в которой лечили Елену. Двенадцатизэтажное здание, построенное в прошлом веке, походило на огромный парусник, летящий на волнах. Он полюбовался на лёгкий силуэт строения и поднялся на второй ярус, где располагалась травматология. По его просьбе медсестра проводила его в кабинет врача. При виде Никиты, доктор встал из-за стола и пожал ему руку.

– Что вас к нам привело? – врач вернулся за стол и уселся в кресло.

Никита с удивлением уловил в дрогнувшем голосе врача признаки волнения. Лицо мужчины стало таким же белым, как его халат.

– Скажите, у моей жены были травмы головы, ушибы головного мозга?

– А почему вы спрашиваете? – Пальцы врача выбивали дробь на полированной крышке стола.

– У неё изменились вкусовые пристрастия, привычки и даже поведение.

– Небольшой ушиб присутствовал, но в основном переломы рёбер, челюсти и многочисленные порезы. – Доктор сложил руки на груди.

Никита вспомнил: Елена выглядела, как мумия, забинтованная с ног до головы. Она не могла говорить, и всё время спала, находясь под действием регенерирующих и восстанавливающих растворов. Когда сняли бинты, увидев жену обновлённой, еле сдержал слёзы. Сорок пять дней он провёл в аду, боясь потерять любимую.

– Ушиб мог спровоцировать изменения? – чувствуя себя последней сволочью, поинтересовался Никита.

– Пути Господни неисповедимы. Всё может быть. Как сейчас чувствует себя ваша жена?

– Спасибо. Хорошо. Она сказала, вы отменили лекарства?

– Анализы хорошие, зачем травить зря организм.

Никита попрощался с врачом и покинул кабинет. В тот день, когда Елена попала в аварию, он находился на стройке в другом конце страны. Прилетел сразу, как только смог, и застал жену уже на больничной койке. Никита в раздумье минут десять посидел в лётнокаре. Потом нажал кнопку вызова бывшей секретарши. Экран остался тёмным, но в телефоне раздался знакомый голос.

– Что вы хотите, Никита Сергеевич. Я у вас, кажется, уже не работаю.

– Здравствуйте, Анна Петровна. Вы не могли бы подсказать мне, полицейские какого участка прибыли на место происшествия с Еленой? Может, вы знаете их фамилии?

– Зачем вам это нужно?

– Хочу поблагодарить их за спасение жены. Ведь это они вытащили Елену из машины и вызвали "Скорую".

"Интересно, почему Анна Петровна не включила видеосвязь?"

– Вам незачем это делать, ваш отец их уже поблагодарил. – И отключилась.

Никита уставился на тёмный экран, даже встряхнул видеофон. Обычно очень корректная и учтивая женщина сейчас довольно невежливо прервала разговор. Он вздохнул: "Вот так и становятся параноиками. – Потом хлопнул себя по лбу. – Дубина стоеросовая". Никита поехал в редакцию газеты "Москва". Через час с небольшим у репортера, прибывшего на место аварии вслед за "скорой", выяснил фамилии и место работы полицейских. А вот дальше его расследование застопорилось. В полицейском участке заявили, что оба мужчины почти три месяца назад уволились. Никита отправился по домашним адресам спасителей жены. Его снова ожидал сюрприз. Бывшие полицейские продали дома и переехали на другое место жительства. Никто не знал, куда. История становилась всё более странной.

Как только находил ниточку, она тут же обрывалась. Никита заложил в память лётнокара маршрут до места аварии. Через час он оказался на неприметном извилистом участке шоссе. С трудом отыскал место, не поросшее кустарником, и посадил кар на маленькой лужайке. Потом облазил весь склон, по которому катилась машина Елены, сминая траву и кусты. За прошедшие месяцы на месте вырванной с корнем травы выросла другая, сломанные ветви на деревьях засохли. Никита присел на валун и посмотрел вверх. Упасть с такой высоты и остаться в живых – жене сильно повезло.

– Эй! Ты чего тут шарить?

Никита от неожиданности подпрыгнул и обернулся на голос. Из-за дерева вышел невзрачный мужичонка, заросший бородой по самые глаза. Его одежду составляли серые синтетические брюки и такого же цвета футболка из настоящего хлопка.

– Три с половиной месяца назад на дороге произошла авария, машина скатилась приблизительно сюда, – Никита обвёл рукой склон.

Мужичок поскрёб бороду. Ухмыльнулся, показав жёлтые зубы.

– Не-а. Машину задержало во-о-он то дерево.

Никита проследил за его рукой и увидел изуродованный ствол берёзы.

– Дамочке полбашки снесло. А жаль, красивая была женщина.

Никита побледнел.

– Почему была? Она выжила.

Мужичок покачал головой.

– Не-а. Она не могла выжить. Мозги по всей машине расплескало.

Никита ощутил чудовищную тяжесть в груди. Тело покрылось липким потом.

– Скорую" вы вызвали?

– Да. Но потом убрался восвояси. А то ещё в полицию затягают. Ну ладно, некогда мне болтать попусту. А ты чего ищешь-то? Всё забрали люди в синей форме с солнышком на рукаве.

"Люди из нашей фирмы", – сообразил Никита. Он чувствовал полное опустошение и тянущую боль в груди. Достал из кармана карточку и протянул мужичку.

– Возьмите. Здесь хватит на месяц проживания в гостинице.

Тот подошёл ближе, посмотрел на карточку и покачал головой.

– Мне это не нужно. Я сбежал в лес пять лет назад, сам могу прокормиться. Мне твой город вот где, – он провёл рукой по горлу. – Ты это... не говори никому, что меня видел...

Никита кивнул и буквально рухнул на валун. Ноги, вдруг ставшие ватными, не держали. Чувствовал: мужичок сказал правду. Его любимая, его Елена прекрасная, его ненаглядная жена погибла здесь. А там, в их доме, под её личиной живёт чужачка, и он это давно понял, но всё не хотел доверять чувствам. С трудом собравшись с силами, поднялся по склону к лётнокару.

Никита набрал на дисплее машины домашний адрес секретарши. Через час лётнокар опустился на лужайке перед её домом.

Анна Петровна вышла на полукруглый балкончик второго этажа и молча посмотрела на бывшего начальника, вышедшего из авто. Он поднял голову, увидел её щуплую, немного нескладную фигуру и спросил с болью в голосе:

– Вы знали, что моя жена погибла на той дороге?

Женщина обхватила руками плечи, словно ей стало холодно, тряхнула подсиненными краской седыми волосами. Пряди упали на строгое интеллигентное лицо, закрывая глаза.

– Значит, знали, – выдохнул Никита. – А кто находится сейчас в моём доме?

Анна Петровна убрала голубые пряди с лица.

– Идите к отцу, побеседуйте с ним. Я не вправе ничего вам говорить. – Она повернулась и ушла в комнату, плотно затворив за собой дверь.

Никита сел в лётнокар. Ярость и гнев овладели им, туманя голову. Не сразу смог разглядеть время на светящемся дисплее. Включился телефон. На экране показалась смеющаяся лицо лже-Елены. Он тотчас выключил изображение.

– Эй, что случилось? – услышал Никита знакомый до боли голос. – Я соскучилась и жду тебя домой.

Он напрягся.

– Извини, сильно занят. Не жди меня, ужинай одна. Я приеду поздно.

Поднял авто в воздух и взял направление к дому родителей. В своё время отец разрешил ему спроектировать и построить новый дом на участке леса в шесть гектаров. Никита очень гордился оказанным доверием и вложил всю душу в его строительство. Это был его первый проект после окончания университета. До женитьбы на Елене он прожил в этом доме вместе с родителями шесть лет и очень любил своё детище. На открытой площадке возле дома стояло несколько лётнокаров и наземных машин. Никита вспомнил: по пятницам у родителей собирались друзья играть в баккару. Опустил машину на свободное место и направился в дом.

На открытой террасе за большим столом сидели родители и с десяток их старых друзей. При виде Никиты раздались приветственные возгласы, большинство этих людей знали его с пелёнок. Он тепло ответил на приветствия и попросил отца:

– Пап, мне нужно срочно поговорить с тобой.

Сергей Иванович извинился перед гостями, встал и молча пошёл в кабинет. Никита отправился следом. От волнения его слегка трясло, ладони стали мокрыми, он вытер их о полотняные брюки. Отец открыл дверь и жестом показал на диван. Они всегда беседовали, сидя рядом друг с другом, но сейчас от волнения Никита не мог сидеть. Сергей Иванович аккуратно поддёрнул брюки, удобно расположился на мягком кожаном диване и вопросительно посмотрел на сына.

Никита откашлялся и с дрожью в голосе поинтересовался:

– Папа, я хочу знать, где похоронили Елену, и кто теперь живёт рядом со мной?

Не ожидая такого вопроса, отец не сразу справился с растерянностью, поэтому долго молчал. Сын не сводил глаз с его сереющего лица и отчётливо понимал: сейчас разразится катастрофа. Ему вдруг захотелось закричать: "Не надо! Не говори ничего!"

– Рядом с тобой живёт твоя Елена, вернее её точная биокопия.

Никита похолодел. Он знал о разработках биороботов, но думал, от них отказались по этическим причинам. Наука остановилась на имплантатах или как шутили врачи – запчастях для человеческих тел. Биоимплантанты и разработка быстрой регенерации тканей стали прорывом в медицине и спасли тысячи жизней.

– Ты хочешь сказать: Елена – биоробот?

Отец горячо возразил:

– Нет. Она копия. Врачи клиники, кстати, принадлежащей нашей компании, сразу взяли биоматериал и в течение месяца вырастили копию Елены. Уже лет десять, как наша клиника научилась ускоренному производству...

– Но как вы добываетесь нужного возраста? – удивился Никита.

На лице Сергея Ивановича появилась слабая, но гордая улыбка.

– Узнаю своего мальчика. Нужно было сразу тебе рассказать. Ты ведь знаешь о прогрессе – ускоренном старении. Так вот мы научились останавливать природное старение, и нашли способ включения быстрого состаривания для биокопий. Сложнее оказалось с мозгом. Мы сумели его воспроизвести, но новый орган приходится учить и прививать привычки прежнего хозяина. Зато можно добавить нужные качества, которых не существовало у погибшего человека, то есть улучшить получившийся материал.

Никита схватился за голову.

– Ты сейчас говоришь о копиях, как будто рассуждаешь о строительстве дома.

Отец усмехнулся:

– Не такая уж и большая разница. Думаешь, для чего все проходят обследование и сдают на хранение биоматериал? Для чего снимаются показания мозговой деятельности? Подробные видеосъёмки, беседы с психологом, тесты? – Сергей Иванович поглядел на потрясённое лицо сына. – Вот для таких несчастных случаев, внезапно обрывающих жизнь человека. Делается копия, и люди больше не страдают от потери близких.

– Но эта копия, не моя жена. Я не люблю её! Я чувствую, что она совершенно чужой мне человек и никогда не сможет заменить Елену, – воскликнул Никита. Всей своей сутью он не мог принять доводы и слова отца.

Сергей Иванович попытался взять сына за руку. Тот быстро убрал руку и отвернулся.

– Мне захотелось сделать Елену более совершенной. Помнишь, ты жаловался, что жена слишком упёртая, боится высоты, с трудом переносит общение с людьми. Мы учли это, изменили некоторые вкусовые пристрастия и добавили кое-какие качества. Разве новая Елена не стала лучше? Что тебя не устраивает?

Никита посмотрел на отца полными муки и боли глазами.

– А душу? Душу Елены вы тоже можете возродить? Да пойми же. Эта женщина не моя жена. Как можно похоронить человека, а потом быстренько слепить копию и успокоиться на этом. Нельзя так делать! Так вы скоро детей будете производить по заказу клиентов.

– Уже производим. Умные люди не пускают дело на самотёк. Заказывают младенцев с нужными параметрами и внешностью.

– О господи! Что вы о себе возмнили? Решили взять на себя функции Бога? Я думал, ты занимаешься строительством домов?

Сергей Иванович встал с дивана и попытался обнять сына за плечи. Никита отступил от него к двери. Отец вздохнул:

– Занимаюсь. А клиника пока только для узкого круга посвящённых. Я собирался всё рассказать тебе со временем.

– Ты, правда, считаешь, что копия может заменить живого человека? – Никита чувствовал полное бессилие и неспособность объяснить отцу своё состояние.

– Да считаю. Разве лучше страдать от потери близкого существа? А душа у копий точно есть. Уж не знаю, вселяется прежняя душа или как-то восстанавливается вместе с новой оболочкой, – Сергей Иванович приблизился к столу, щёлкнул кнопкой. Включился экран. Появилось изображение опушки леса и мужчины с мальчиком. На плече мужчины висел охотничий карабин, у мальчика лёгкая почти детская винтовка. Они брели по колону в траве. – Помнишь? – Отец пристально посмотрел на сына.

– Конечно, помню. Мы с тобой на охоте в Карелии. И что? Что ты этим хочешь мне сказать? – сердито буркнул Никита.

– А то, что ты копия этого мальчика. Он тогда погиб на охоте от случайного выстрела. Я чуть не умер от горя. Когда ты возродился, мы с мамой ожили. У тебя есть душа. Что, сын, она сейчас болит?

Точка падения

Молодая женщина лет тридцати бежала по перрону железнодорожного вокзала. Одной рукой она волочила большой коричневый чемодан на колёсиках, другой крепко держала вихрастого мальчика лет шести. Возле вагона номер десять женщина резко притормозила, шумно дыша и хватая воздух ртом, обратилась к стоящей в тамбуре проводнице.

– У нас места в ваш вагон.

Рыжеволосая служащая с несколько грубоватыми чертами лица нехотя откинула ступеньки и отошла вглубь тамбура.

– Только швыдче, состав сейчас тронется.

Пассажирка подсадила мальчика, забросила чемодан и торопливо поднялась в вагон. Двигаясь по проходу вслед за сыном, она тихо наставляла его.

– Олежек, если опять услышишь что-то тайное для людей, пожалуйста, не говори это вслух. Хорошо?

Мальчик недовольно пробурчал в ответ:

– Да понял я, понял.

– А вот и наши места. – Мать, придерживав ребёнка за плечо, остановила его перед открытой дверью купе.

Семейная пара, сидящая у столика, оторвалась от трапезы и с любопытством посмотрела на новых пассажиров.

– Добрый день. Приятного аппетита. – Вновь прибывшая приветливо улыбнулась. – Можно расположиться? Одно нижнее место принадлежит нам.

– Дима, освободи полку, – скомандовала полная, добродушного вида дама.

Её супруг быстро собрал постель, закинул на верхнюю полку и присел рядом с женой.

Новая пассажирка вытащила из чемодана полотенце, пакет с бельём и обратилась к сыну:

– Олежек, снимай брюки и рубашку, вот тебе шорты с футболкой, а я переоденусь в туалете.

– Не нужно в туалет. Переодевайтесь здесь. Я выйду. – Дмитрий положил надкушенный бутерброд на стол, подтянул спортивные брюки, сползшие с объёмистого живота, и направился к выходу.

– Спасибо. Давайте познакомимся. Меня зовут Ольга Сергеевна, – представилась пассажирка, слегка наклонив голову. Блестящая челка шоколадного цвета упала ей на глаза.

– Дмитрий Иванович. Мою жену – Мария Николаевна, – сообщил мужчина, вытирая ладонью, губы, выпачканные сливочным маслом.

Через пятнадцать минут новые знакомые пили чай за столиком и мирно беседовали. Мальчик с любопытством косился в сторону супругов, но смотрел почему-то не на их лица, а в область груди, словно видел там что-то занятное.

– Мы с Машей решили проведать сына. Через три часа мы выходим в Шахтах, – сказал Дмитрий Иванович, запивая пирожок чаем.

Его жена пояснила:

– Специально взяли отпуск, чтобы посмотреть, как устроился наш мальчик. А то он не особо болтлив, сообщил коротко: «Всё хорошо. Скоро познакомлю вас будущей невесткой». Вот и посмотрим, на ком он собрался жениться, – улыбнулась Мария Николаевна. Её голубые, чуть нависшие, глаза сузились, румяные круглые щёки стали похожи на два наливных яблока.

– Мой сын на плохой не женится, он очень переборчивый, – пробурчал Дмитрий Иванович и поинтересовался: – А вы куда направляетесь?

– В гости к маме. Я тоже в отпуске. Вот решила Олежку деревенским молочком отпоить. – Ольга Сергеевна ласково провела рукой по торчащим волосам сына.

Мальчик недовольно уклонился в сторону. В его ярко-голубых глазах промелькнула досада.

– Надо-надо. Что-то у вас он больно худой и бледный. Наверно плохо кушает? – предположил Дмитрий Иванович.

Ольга кивнула.

Мария Николаевна добавила:

– А у меня с кормлением сына проблем не было. Наяривал всё подряд.

Олег фыркнул, представив их сына, опустошающего полные тарелки супа, каши, борща. Спустя полчаса под монотонную беседу взрослых он заснул и не слышал наставлений попутчицы по поводу его воспитания, не видел, как супруги вышли на своей станции. Проснулся от резкого толчка и лязгающего звука за окном.

– Разбудили? Проводница сказала, что какой-то пьяный сорвал стоп-кран. Ложись, сейчас поедem. – Мать, стоя в дверном проёме, выглядывала в коридор.

Олег снова задремал. В следующий раз он проснулся от чуть рокочущих звуков незнакомого голоса.

– Извините, что потревожил, я постараюсь вам не мешать. – Незнакомый мужчина поставил возле сиденья маленький чемодан, тяжёлый пакет прислонил к окну, сам присел к столику. – Ложиться спать уже нет смысла: скоро утро. Да и выходить мне через четыре часа – дома отосплюсь. – Попутчик вытащил из пакета бутылку пива, открыл её о железный бортик откидного стола и с блаженным видом сделал пару больших глотков.

Ольга Сергеевна осмотрела незнакомца с высоты второй полки. Добродушного вида щуплый мужичок в круглых роговых очках не вызвал у неё подозрения. Она свесилась вниз, бросила взгляд на сына, лежащего на нижней полке. Олег, приподнявшись на локте, рассматривал нового пассажира.

– Сынок, поспи. Нам ещё часов шесть ехать.

Олег покосился на мать.

– Хорошо.

Ольга Сергеевна повернулась на левый бок и вскоре заснула. Олег подождал немного и присел к столику.

– Ну что, малой, налить чуток пивка? – предложил попутчик, растягивая в улыбке полные губы.

– Нет, дядя, я не пью. – Олег вытащил из пластикового судка пирожок и откусил маленький кусочек. Мальчик смотрел на пассажира чуть исподлобья.

– Зови меня дядя Митяй. У меня сынишка твоего возраста. – Мужчина поставил пустую бутылку под стол и достал из пакета следующую. – Куда путь держите?

Не получив ответа, попутчик вытер ладонью пену над губой и, чуть повысив голос, повторил вопрос.

– Едете куда, спрашиваю?

Олег вздрогнул, отвёл глаза от груди попутчика и тихо произнёс:

– К бабушке.

– Славно. Я, помнится, в детстве бабушку любил, всегда помогал старушке. А ты своей будешь помогать?

Олег кивнул. На его побледневшем лице появилось выражение паники. Мужчина хмыкнул и пожал костлявыми плечами: «Какой, однако, зашуганный мальчонка».

– Да, пацан, ты не болтлив, как я посмотрю. Пойду-ка отолю. – Попутчик поднялся и вышел из купе.

Олег тотчас вскочил на ноги, стал тормошить мать, дергая за ногу.

– Мама, проснись. Дядя хочет забрать наши деньги. Он грабитель.

Ольга Сергеевна открыла заспанные глаза и возмутилась:

– Сынок, ну что ты опять выдумываешь!

– Мамоchка, дядя сидел в тюрьме за грабёж, а ещё он бьёт жену и сына. И даже бабушку свою бил!

Ольга спустилась с верхней полки, поёжилась от утренней свежести, вливающейся в приоткрытое окно. Широко зевнула и недоверчиво осведомилась:

– Это рассказал тебе прозрачный человечек?

– Да. У дяди билет в другое купе. Проводница его специально к нам посадила.

Ольга Сергеевна помассировала лицо кончиками пальцев:

– Ладно, поверю в последний раз. Сейчас схожу к проводнице, а ты жди меня здесь. –

Она отворила дверь купе и на пороге чуть не столкнулась с попутчиком.

Он посторонился, пропуская её, и протиснулся к столу.

– Не успеет. Скоро остановка и туалеты закроют. – Дядя Митя открыл следующую бутылку и присосался к горлышку.

Дверь купе распахнулась настежь. В дверном проёме показалась всклокоченная проводница. Её перепуганное красное лицо усеяли бисеринки пота.

– Извините, товарищ пассажир, я перепутала – это не ваше купе. Ваше место дальше в конце вагона. Я провожу вас.

Из-за спины проводницы выглядывала Ольга Сергеевна и внимательно наблюдала за гримасами на лице попутчика.

– Ты чего мелешь!? – озлился любитель пива. Его лицо побагровело и перекошилось от еле сдерживаемой ярости. – Моё это место и баста!

– Если вы не выйдете из купе, я позову милицию, – пригрозила Ольга Сергеевна. Она вдруг полностью поверила в рассказ сына, увидев, как мгновенно изменился прежде добродушный на вид мужчина. – Вы недавно вышли из тюрьмы. И надеюсь, снова туда не соби-
раетесь?

Глаза попутчика стали белыми от бешенства.

– Ах ты, сука! Зачем рассказала ей! – заорал, бросив испепеляющий взгляд на проводницу.

Та отскочила в сторону и начала быстро оправдываться:

– Митя, я ничего не говорила. Она сама откуда-то знает. Бери вещи, иди в другое купе. А вы, дамочка, успокойтесь, никто вас грабить не собирался. Он такой же пассажир, как и вы. – Проводница плохо соображала от страха, не понимая, что выдаёт себя с головой, называя мужчину по имени.

Попутчик пнул ногой чемодан с такой силой, что он вылетел в коридор, ударив проводницу по ногам. Та вскрикнула и отскочила в сторону. Пассажир схватил пакет с бутылками и выбрался из купе. Ольга Сергеевна, прижавшись в коридоре к окну, проводила его испуганным взглядом. Потом по стеночке протиснулась в купе и закрылась на замок.

– Сыночек, прости, что не поверила сразу. – Она обняла сына за плечи и уткнулась носом в его жёсткие волосы.

Это воспоминание из далёкого прошлого всплыло из глубины памяти Олега Александровича, пока он слушал монотонное бормотание пациентки. Ему очень повезло после окон-

чания мединститута и аспирантуры, он устроился на работу в частную клинику по своей специальности – психотерапевт. Завклиникой старше Олега всего на три года дал ему полный карт-бланш.

– Мне главное результат, а как будете его достигать – это уже ваше дело, – уверил заведующий на собеседовании. – К вам будут обращаться за помощью больные люди, вы должны сделать их здоровыми. Что за методики вы используете при этом, меня не тревожит, лишь бы они шли на благо пациентам.

Олег Александрович смутился:

– Вы слышали о моих разработках и о теории «Лечение души»?

Заведующий не стал лукавить, сказал честно:

– Я не только прочёл ваши работы и диссертацию, также познакомился с пациентами, которых вы исцелили, будучи интерном. Все пациенты вернулись к полноценной жизни – это значит, метод работает. Как вы написали: главное – вытащить из человека на свет его потаённые страхи, боль, желания и помочь очиститься. Вроде бы ничего нового, все психиатры так делают, но не у всех получается. А вы ухитрились исцелить трёх хронических больных. А ведь они провели в психиатрических клиниках полжизни. Не используя медикаментозные средства, вы смогли вернуть людей в общество. Насколько я знаю, у ваших бывших пациентов нет рецидивов. Я даю разрешение на использование ваших разработок в клинике.

Так Олег начал работать в новой современной клинике, специализирующейся на лечении нервных расстройств. Его смущало только одно – это учреждение обслуживало только богатых пациентов, способных заплатить немалые деньги за своё выздоровление. Но он зря волновался, ничего криминального в работе клиники не оказалось. Никто не просил его признать сумасшедшей надоевшую супругу или засадить под замок неугодного партнёра по бизнесу. Работа оказалась интересной и хорошо оплачиваемой. Вот и сейчас доктор выслушивал жалобы на тоску и скуку от красивой, ухоженной дамы, жены заместителя губернатора области.

– Мне не хочется ходить на эти светские рауты. Всегда одно и то же: в глаза улыбки, а за спиной змеиное шипение. Никому нельзя верить. Да и скука несусветная, – лениво растягивая слова, говорила Ирина Анатольевна, полулежа в мягком кожаном кресле. Ее спокойный голос резко диссонировал с нервными, резкими движениями рук и лихорадочным блеском глаз, видимым даже в полутени кабинета врача.

Приглушённое освещение, мягкая кожаная мебель, обилие зелени, тихое журчание декоративного фонтана, неяркие краски картин – всё было призвано для создания располагающей уютной обстановки. Несколько наводящих вопросов и пациенты, раскрепощаясь, начинали говорить. Олег Александрович, пропуская мимо ушей рассказ Ирины Анатольевны о трудной доле жены чиновника, сосредоточенно смотрел на грудь пациентки. Но не прелести женщины, кстати, довольно объёмные, интересовали врача. Он смотрел и вёл неслышимый диалог с прозрачным облачком, зависшим в нескольких сантиметрах от тела пациентки. Облачко без конца меняло форму, оно то становилось крохотным младенцем с личиком старичка, то злобного вида карликом, то приобретало вид фантастической птицы. Каждый принимаемый облик имел какой-то изъян и уродство. Для доктора это был первый сигнал душевной неприглядности пациентки.

– Красиво говорит, – усмехнулся прозрачный карлик, косясь на лицо своей хозяйки. – А когда подругу подставляла, так болтать ещё не умела.

Олег Александрович по опыту знал: бестелесные существа не способны лгать – всегда говорят правду. Олег долго не мог понять: кто они такие? Первый раз увидел человечка, состоящего из тумана, когда ему исполнилось четыре года. Он играл в песочнице, а неподалёку мама беседовала с тётей Леной, соседкой по лестничной площадке. Олежек хотел пока-

затянул танк, слепленный из песка, окликнул мать, но она, увлечённая разговором, не услышала. Тогда он подошёл ближе и услышал:

– Олечка, нужно прекратить это безобразие и найти хулигана. Кто-то же бросает окурки и пишет гадости на площадке. Я, как и вы, стараюсь наводить порядок в свою очередь, но всё бесполезно, пока творится такое безобразие, – возмущалась тётя Лена.

Олег с удивлением смотрел на соседку. Прозрачный карлик выглядывал из ворота блузки тёти Лены и строил ему забавные рожи. В голове ребёнка зазвучал голос странного существа:

– Во сочиняет! А ведь окурки муженёк бросает, сыночек же стены матюками расписывает, а она сама ни разу пол не помыла.

Олег, наблюдая за кривляньем карлика, как замороженный повторил слова уродца. Обе женщины поражённо уставились на ребёнка. Тётя Лена, смущённая справедливым замечанием малыша, тем не менее, не собиралась признавать его правоту.

– Олечек, как ты можешь так говорить. Кто тебе такое сказал?

Ольга Сергеевна прижала ладони к покрасневшему лицу и пробормотала:

– Сыночек, зачем попусту обижаешь человека?

Олег насупился и, подняв руку, показал пальцем на грудь соседки.

– Это не я. Это он мне сказал. – Олег с любопытством таращился на человечка, который уселся на левое плечо соседки и показывал ему язык.

Тётя Лена быстро оправилась от неловкости и с излишней горячностью накинулась на собеседницу:

– У вашего мальчика слишком богатая фантазия. Он обижает ни в чём не повинных людей. Вы бы показали его врачу-психиатру. – Соседка фыркнула и с видом оскорблённой невинности направилась в дом.

Ольга Сергеевна вздохнула и взяла сына за плечо.

– Кто тебе поведал о соседях? – Она знала, что сын сказал правду, давно догадывалась, кто сорит на площадке и пачкает стены. Но, не желая конфликтовать, пыталась окольными путями воззвать к совести соседки.

Олег поднял на мать глаза цвета тёмного шоколада, прикоснулся пальцем к своей груди.

– На этом месте у тёти Лены сидел прозрачный человечек, я только повторил его слова.

– Человечек? – Ольга Сергеевна встревожено всмотрелась в лицо сына. – Ты часто их видишь?

Олег покачал головой.

– Первый раз. Он походил на гнома из сказки.

– Малыш, а ты не выдумал?

Олег насупил брови.

– Я сказал правду.

В следующий раз он увидел прозрачное существо в воскресенье, за завтраком. Человечек лёгким дымком просочился сквозь кожу, видимую в распахнутый ворот рубашки отца. Существо зависло возле груди и повернуло сморщенное личико к Олегу. Мальчик с любопытством стал наблюдать за подвижным обликом человечка. Его тельце, похожее на сгусток тумана, колыхалось. Ручки и ножки то исчезали, то снова вытягивались, по лицу словно судорога пробегала, так быстро сменялись гримасы. Отец собирался в командировку на три дня и разлагольствовал о важности его работы. Человечек уставился на мальчика, в голове ребёнка тотчас зазвучали слова.

– Надоело обманывать жену. Врать ей, на работе просить друзей прикрыть... Может позвонить Оксане и отменить встречу. Да и денег жалко. Вон мальчишке нужна новая куртка,

а я потрачу всё на развлечения безмозглой куклы. Пора заканчивать эту связь, пока Ольга не узнала.

Олег, не осознавая, что делает, повторил слова бестелесного существа. До сих пор он помнил скандал, разразившийся после его речи. С тех пор чувствовал себя виноватым в разводе родителей. С того завтрака всё пошло наперекосяк. Отец со страхом смотрел на сына и начал избегать его. Пока в один прекрасный момент не заявил:

– Я больше не могу так жить. У меня ощущение, что меня под микроскопом разглядывают.

Олег Александрович снова отвлёкся от тягучего монолога пациентки. Встал из-за стола, приблизился к жене чиновника и присел на стул рядом с её креслом.

– А теперь давайте я вас погружу в сон. Пора переходить к излечению. Во сне ваша душа воспарит и сама найдёт выход из тупика, в который вы попали.

Ирина Анатольевна хрустнула пальцами и чуть визгливо произнесла:

– Да не хочу я спать. Ой, извините, вы имели в виду гипносон. А без него нельзя обойтись?

Олег Александрович покачал головой. На самом деле для лечения пациентки ему не требовался гипносон. Во время рассказа Ирины Анатольевны он успел побеседовать с её призрачным человечком. И теперь для принятия решения ему требовалось время, а это время давал ему сон пациентки.

Олег долго не мог понять, что за существа он наблюдает. В своё время перелопатил кучу книг, прочёл гностические учения древних учёных, библию, труды философов, но ответа не нашёл. И только после всех изысканий догадался расспросить радушного человечка, замеченного у друга по институту. Воздушное существо воззрилось на него с безмерным удивлением.

– Разве ты ничего не слышал о душе?

Олег с не меньшим потрясением ответил:

– Душа? Но я думал это просто термин. А почему я наблюдаю душу в виде разных по внешности человечков?

– Так удобнее представлять перед тобой, вернее ты нас так по-разному видишь. Ты будто прибор улавливаешь излучение души, а твой мозг, по силе этого излучения формирует облик, внешность и даже наряд человечков. На самом деле душа – светоч, суть человека, сгусток концентрированной энергии со своими физическими параметрами. Мы души обладаем не только некоторой плотностью, имеем даже вес. Учёные сумели взвесить душу после смерти человека. А душа-то у всех разная, вот и видишь ты её в разном облике. Жаль, что не все люди могут наблюдать душу, меньше случалось бы несчастий и преступлений на земле. Вспомни, что говорят о плохом человеке? У него чёрная душа. Про другого – добрейшей души человек. Одни люди гасят свет души, другие наоборот подпитывают энергией добра и любви. Поэтому ты видишь человечков разными, они отражение сути души. Вскоре, я думаю, ты научишься лицезреть души не только в привычном облике человечков, но и в настоящем световом виде.

Олег стал использовать знания, сообщённые душами, а также научился скрывать свой удивительный дар. Он слишком хорошо помнил реакцию отца на его необычные способности и не хотел повторения той истории. В отличие от отца, мама никогда не боялась его знаний, добытых странным путём, правда, долгое время считала их фантазиями впечатлительного ребёнка.

Олег Александрович вздохнул, прогоняя воспоминания, нужно заняться пациенткой. Внешне успешная, высокомерная Ирина Анатольевна мучилась осознанием своей вины в участии бывшей подруги. История, рассказанная душой Ирины, оказалась простой и банальной. Будучи студенткой, в борьбе за сердце и кошелек директора автосалонов города, она

использовала старый трюк: обман и ложь. С директором автосалонов подруги познакомились в ресторане на дне рождения Ирины. Та решила использовать деньги, подаренные родителями, на поход в самый дорогой ресторан города. Девушки готовились к этому эпохальному событию за полгода: покупались платья, туфли, украшения. Обе студентки последнего курса экономики и менеджмента грезил выйти замуж за богатого коммерсанта и остаться в городе. Ради этой мечты из скудных запасов откладывались деньги. Золушки из посёлка, разрушенного перестройкой, не хотели возвращаться домой, мечтая повторить путь этой счастливой. В тот судьбоносный вечер звёзды явно благоволили к подругам. В ресторане успешный автосалонщик Тарас отмечал с друзьями своё сорокалетие. Чисто мужская компания громко веселилась неподалеку от столика девушек. И когда уже отчаявшиеся подруги допивали кофе, на них наконец обратили внимание. Тарас пригласил на танец Ирину, а его друг – Катю. Через полчаса девушек позвали к столу. После окончания банкета мужчины стали угощать их продолжить веселье в доме именинника, но подруги отказались наотрез. Мужчины довезли их до дверей квартиры, которую девушки снимали. Разыгранная подругами деревенская неискренность и чистота покорила друзей. На третий день Тарас появился у их порога с огромным букетом цветов. За это время девушки успели поссориться раз десять. Ирина упрекала Катю.

– Говорила тебе, что нужно было поехать к Тарасу домой, пока он приглашал. Так ты мне все уши прожужжала: «Нельзя, нельзя! А теперь что? Да они уже забыли о нас.

Более уравновешенная и спокойная Катя парировала:

– Если тебя устраивает роль любовницы или девушки на вечер, то да нужно было ехать. Но мы-то с тобой собирались прыгнуть повыше, занять место жены.

– И что? Где теперь Тарас с другом. Они твоих тонкостей не поняли и сейчас, наверно, развлекаются с более доступными девицами. А мы сидим дома, как клуши.

Тарас пригласил подруг в театр на модный авангардный спектакль. Мужчина явно отдавал предпочтение Кате, Ирине оставалось только скрипеть зубами и делать весёлое лицо.

То, что происходило потом, рассказал врачу сморщенный брюзгливый человечек-душа Ирины. Она предала дружбу и пошла на всё: обман, подлость, клевету, сплетни лишь бы заполучить Тараса и стать его женой. Ей повезло, что Катя была вынуждена уехать на время из города: тяжело заболела её мать. Это время Ирина использовала, чтобы оболгать подругу и рассказать Тарасу «страшные тайны Кати». К моменту возвращения Катерины они уже поженились. Почти пять лет Ирина наслаждалась ролью супруги обеспеченного человека, только изредка её мучила совесть, да не хватало общения с подругой детства. Нервные срывы начались после посещения родного села. Ирина с родителями в поминальный день пришли на кладбище, положили на могилку бабушки белые лилии.

– Привет, Ирка, – услышала она чей-то хриплый голос.

Подняла голову и отшатнулась. Рядом с ней дыша перегаром и, распространяя вокруг себя жуткий запах мочи и давно немытого тела, стояла Катерина. Ирина с трудом узнала бывшую подругу в женщине неопределённого возраста, с одутловатым синюшным лицом.

– Здравствуй, Катя. – Ирина не сумела скрыть страх и брезгливость, эти чувства отразились на её лице.

Катя ехидно улыбнулась, растянув губы в жутком беззубом оскале.

– Что, подруженька, не нравлюсь? А ты не гляди, а лучше дай полечиться. Она протянула грязные руки, сложив их ковшиком.

К лицу Ирины прилила кровь, и оно запылало маковым цветом. Вздрагивающими пальцами она достала из сумки несколько крупных купюр и протянула бывшей подруге.

– Считай, почти откупились, иуда, – заявила Катерина и, шатаясь, побрела прочь.

Ирина посмотрела на мать расширенными от ужаса глазами.

– Что с ней случилось?

– После того, как она схоронила мать, ты же знаешь, у неё никого не осталось. Катя решила продать дом и перебраться в город. Покупатели нашлись быстро, сделку оформила у юриста, деньги получила. А когда покупала квартиру, её обманули. Осталась она и без жилья, и без денег. Помаялась, да и вернулась в село. Гришку помнишь, который за ней в школе ухлёстывал?

Ирина кивнула.

– Вот за него и вышла замуж горемыка. А он после Чечни дурной стал, орал по ночам, всё воевал. Сначала пыталась его лечить, а потом вместе пить стали. Так и глушат «горькую» на пару, уж три года. Григорий ещё ничего, а Катя спилась быстро.

После той поездки на родину началась у Ирины бессонница. Со временем она переросла в нервное расстройство. Днём она ходила усталая и сонная, взбадривая себя литрами кофе, энергетиками, а ночью маялась, пытаясь сомкнуть глаза. Ирина бросила работу, сделалась нервной и раздражительно-плаксивой, начала пить снотворное горстями. В клинику её привёл муж.

Олег Александрович посмотрел на спящую пациентку и понял, что, пожалуй, впервые видит её спокойной и умиротворённой. Пробудив Ирину Анатольевну от гипносна, предупредил:

– Устраивайтесь удобнее, у нас будет долгий разговор. Ирина Анатольевна, скажите, тогда, много лет назад, во время знакомства с Тарасом, ваша подруга могла поступить по отношению к вам так, как вы поступили с ней.

Пациентка вздрогнула.

– Я всё рассказала вам во время сеанса? – прошептала она, пряча лицо в ладони.

– Не волнуйтесь, Ирина Анатольевна, о разговоре никто не узнает. Ваши тайны не выйдут за дверь этого кабинета. Так поступила бы Катя с вами так же?

Ирина отняла ладони от лица и вздохнула:

– Нет. Она из тех, кто отдает другу большое яблоко, оставляя себе маленькое.

– Значит, именно это вас и мучает. Вы казните себя бессонницей и нервными срывами потому, что чувствуете себя виноватой за сломанную жизнь подруги, – сделал вывод врач.

Ирина Анатольевна вскочила с кресла, в котором полулежала и стала мерить шагами кабинет психотерапевта.

– Ничего подобного! Про Катю я даже не думала. Ну, да. Меня поразила её убогий вид, пьянство. Но я-то тут причём?

– Вы можете вполне искренне обманывать себя, но свою душу не обманете. Она у вас болит, – не уступал Олег Александрович.

Пациентка вспыхнула и зло выкрикнула:

– Не городите ерунды! А ещё врач. Я и так называемая душа – это одно и то же.

Врач посмотрел на грудь Ирины Анатольевны – страшненький карлик завис над шелковой блузкой женщины и корчил ему рожи.

– Присядьте и просто выслушайте меня.

Пациентка скрестила руки на груди, прислонилась к шкафу с документами и демонстративно осталась стоять.

Олег Александрович сделал вид, что не обращает внимания на её выходку, продолжил:

– В самом начале знакомства с вашим будущим мужем вы сказали ему, что Катя беременна и, в общем-то, всегда отличалась распушенностью. Но поверьте, если бы она настоящему нравилась ему, Тарас Егорович на ваши речи не обратил бы внимания и всё разузнал сам. Ему на тот момент исполнилось сорок лет, не мальчик, чтобы верить словам. Скорее всего, он тогда не определился с выбором, вы ему обе понравились. Второй мужчина, кажется, его друг, ведь не появлялся совсем.

Ирина Анатольевна воззрилась на доктора с безмерным удивлением.

– Странно я ведь забыла друга Тараса...

Врач не стал комментировать её слова, продолжил:

– Вы не виноваты в том, что Катю обманули с квартирой, не вы украли её деньги, заставили выйти замуж за неадекватного мужчину. В конце концов не вы наливали ей водку, не принуждали пить. Ирина Анатольевна, вы не можете казнить себя за чужие поступки. – Психотерапевт замолчал, давая пациентке время осмыслить его слова, а потом добавил: – Но на вас лежит вина: за саму клевету, ложь. За то, что вы бросили подругу в беде. Читали «Маленького принца» Экзюпери?

Ирина Анатольевна опустила голову.

Олег Александрович улыбнулся.

– Да-да. Лучше не скажешь. Мы в ответе за тех, кого приручили. В жизни всякое бывает. Сделали ошибку – надо исправлять. Попробуйте попросить у подруги прощения и помочь ей. Снимите тяжесть с души, в первую очередь этим вы себя спасёте.

Ирина Анатольевна дёрнула плечом и язвительно процедила:

– Просить прощения у алкоголички! Да ей уже ни чем не поможешь!

– А вы попробуйте. Если не получится, так тому и быть. – Доктор записал что-то в толстую тетрадь, смахивающую больше на амбарную книгу.

Ирина Анатольевна сухо попрощалась с ним и покинула кабинет.

Олег резал ножом отбивную на мелкие кусочки, а потом тщательно пережёвывал. Девушка, сидящая рядом с ним за столиком, говорила за двоих, её громкий голос порой перекрывал музыку, звучащую со сцены ресторана. Он скрывал своё раздражение, но оно прорывалось в его взгляде на собеседницу, в коротких отрывистых фразах, в его жестах, поведении. Сейчас Олег раздумывал, под каким предлогом, не обидев Диану, покинуть её. Он сунул руку в карман пиджака, нажал на телефоне кнопку вызова дежурной медсестры в клинике, подержал с пару секунд и отпустил. Ответный звонок прозвучал через минуту. Олег, посерьёзнев, пообещал ошарашенной медсестре немедленно прибыть по её экстренному вызову.

– Извините, срочный случай, – заявил он спутнице, поднимаясь из-за стола. Подозвал официанта, расплатился за ужин.

Диана, преодолев растерянность, поинтересовалась:

– Мы ещё с вами увидимся?

Олег замялся, а потом брякнул:

– Извините, но нет. – И позорно сбежал, не желая объяснений.

Он уже отчаялся познакомиться с девушкой, у которой, кроме внешности, понравится и её душа. Вот и теперь, увидев румяного похожего на матрешку человечка, хихикающего над каждым словом хозяйки, Олег с трудом вытерпел ужин. Их диалог выглядел для него несколько по-другому.

– Диана, вы любите путешествовать. Я, например, хожу в пешие походы, стараюсь каждое лето выбрать новый маршрут.

Девушка мило улыбнулась:

– Я тоже люблю ходить в поход и считаю это лучшим времяпровождением.

Слабо светящееся облачко, как на фотоплёнке, медленно проявилось, в области солнечного сплетения и постепенно оформилось в человечка-матрешку. Олег всегда с трепетом наблюдал этот момент появления души и ждал чуда. Дважды ему повезло, он увидел необыкновенно красивые души: одну у ребёнка десяти лет, другую у глубокого старика.

Обе души отличались от остальных, виденных им прежде, прекрасными одухотворёнными ликами, он почувствовал себя уродцем рядом с недосыгаемо прекрасными образами. Человечек-матрёшка посмотрел на Олега, в голове прозвучал голос капризной девочки:

– Лучшее времяпровождение лежать на пляже и загорать. Терпеть не могу походы, грязь, комары и дым. Такая романтика хороша для не уважающих себя женщин.

Олег вздохнул: «Значит, про красоту гор и ночёвки в лесу говорить с Дианой не стоит. Про рыбалку тем более».

– Я рад, что вы любите походы. А какую музыку вы предпочитаете?

Матрёшка скривился и показал язык.

Девушка наколола шампиньон, откусила кусочек, промокнула губы салфеткой и красивым грудным голосом пропела:

– Классику. Я воспитана на хорошей музыке.

Человечек захихикал:

– Врунья. Ничего кроме глупых идиотских песен она никогда не слушала.

Олег усмехнулся:

– А я вот рок и авторскую песню люблю. Классику редко слушаю, разве что «Времена года» Бетховена. – Он из вредности лишил Петра Ильича Чайковского его детища, приписав его Бетховену. Хотелось услышать, что скажет знаток классики.

Диана похлопала огромными ресницами, покраснела и решительно заявила:

– А я вот не люблю Бетховенские «Времена года», слишком просто написаны.

Олег чуть не подавился куском мяса, сдерживая смех, а вот человечек-матрёшка веселился вовсю.

– Ты ещё про книги её спроси, не забудь о художниках что-нибудь новенькое разузнать.

Он покосился на человечка, но не стал поправлять собеседницу.

– Дианочка, а чем вы любите заниматься в свободное время?

Девушка откинула густые чёрные волосы за спину, они соскальзывали вперёд и норовили попасть в тарелку.

– У меня почти нет свободного времени, но когда выпадает минуточка, читаю, слушаю музыку.

Зловредный человечек тут же влез с уточнениями.

– Валяюсь на диване, смотрю телевизор, а когда папа даёт деньги, иду в спа-салон. Мама готовит еду, бабушка убирает, а нам лень.

Олег опустил голову и стал усердно резать мясо. Разговор в таком духе продолжался в течение всего вечера, пока не наскучил ему. И тогда он сотворил трюк с телефоном. Выскочив из ресторана, Олег направился в парк. Тёплым летним вечером ему совсем не хотелось идти домой.

С Дианой он познакомился три дня назад в супермаркете, девушка нечаянно свалила с полки груду коробок с влажными салфетками. Он помог ей собрать и сложить, а также защитил от разъярённого продавца-укладчика. Девушка показалась ему нежной и трогательной в своей беспомощности, к тому же она оказалась просто красавицей. Он назначил ей свидание, с которого так бесславно скрылся.

Олег уселся на лавочку под цветущей липой. Сладкий медовый запах окутал его полностью. Он закрыл глаза, наслаждаясь пением какой-то птицы, и еле слышными звуками музыки, доносящимися из концертного зала.

«Прежде чем приглашать на свидание, сначала нужно разговорить человечка-душу, – размышлял он. – Тогда не придётся убегать из ресторана».

Но вся проблема состояла в том, что души проявлялись только во время второй или третьей беседы. Очень редко с первого раза. Обычно это происходило в минуту опасности или беды. В обычное время он мог не сразу понять, что представляет собой человек, пока

не покажется лик души. Олег учился по жестам, внешнему виду, мимике угадывать характеры людей, но пока не достиг в этом успеха. Он очень сочувствовал людям, не умеющим «видеть», они дружили не с теми людьми, любили не тех. Как-то он сказал об этом маме. Она засмеялась:

– Сыночек, это тебе надо сочувствовать, а не нам. Тебе трудно придётся в жизни. Помнишь слова Пушкина: «Я сам обманываться рад».

Вскоре он убедился в правоте матери, выходили замуж одноклассницы и однокурсницы, оба его друга женились и уже имели по двое детей, а он всё искал родственную душу. Завтра ему исполнится тридцать два, у него своя двухкомнатная квартира, любимая работа и никого рядом, кто бы разделил его увлечения и судьбу. Задумавшись, Олег почти два часа просидел на лавочке, очнулся от того, что продрог. На траву упала роса, капельки воды заискрились в свете фонаря тысячами стеклянных бусинок. Птичка умолкла, музыка стихла, только цикады и кузнечики продолжали будоражить тишину. Он растёр озябшие плечи руками и медленно побрёл по притихшему парку. Возле центрального фонтана настоленную тишину, кроме плеска воды, тревожил чей-то тихий смех. Вместе с этим искристо-заразительным смехом слышалось бормотание. Заинтересовавшись поздними посетителями парка, Олег приблизился к фонтану ближе. Сначала за струями воды он сумел разглядеть только два женских силуэта, потом из светящейся водной пыли вынырнули незнакомки. Крепкая, спортивного вида девушка, слегка растягивая слова, уговаривала свою тщедушную подругу.

– Татка, имей совесть, вылезай. Как мы теперь доберёмся до дома. Нас же ни один таксист не возьмёт.

Пигалица, названная Таткой, покачнулась и плюхнулась в воду. Снова послышался серебристый смех. Спортсменка негромко ругнулась, подхватила худенькую подругу под мышки и поволокла из чаши фонтана на сухое место.

– Ты морячка, я моряк, – весело пропела Татка, болтаясь в руках подруги. – Сима, спасибо за день рождения. Классно отметили.

Олег, с улыбкой наблюдающий за девушками, понял, что они пьяны. Татка довольно сильно, а более крепкая подруга слегка. Мокрая одежда живописно облепила фигуры купальщиц. Спортивная подтянутая Сима смахивала на конькобежку или бегунью, а тонкая, как тростинка, Татка явно не имела к спорту никакого отношения.

– Ну и что теперь делать? – придерживая подругу за плечи, задала Сима вопрос самой себе.

Татка, пытаясь стоять ровно, обхватила руками талию подруги, словно ствол дерева и гордо заявила:

– Ляжем на травке, мать природа нас примет в свои объятия.

Олег, не замеченный до сей поры подругами, засмеялся:

– Довольно прохладно валяться на травке.

– Ой, какой мужчина! – воскликнула Татка. – Кирочка, это и есть твой сюрприз? – Она прищурилась, пытаясь сфокусировать взгляд. – Какой симпатичный, прямо, как я люблю.

Олегу понравилась характеристика, данная ему девушкой, его улыбка стала шире. Спортсменка критически осмотрела незнакомца, возникшего неизвестно откуда рядом с ними.

– Нет, Тата, мой сюрприз не пришёл. Это посторонний мужчина.

Татка склонила голову набок, длинные мокрые волосы свесились почти до пояса, и преувеличенно громко вздохнула:

– Жаль. Он мне понравился. – Её тёмные глаза лукаво сверкнули.

Олег мог бы сказать тоже самое о забавной пьянчужке: она ему приглянулась. Симпатичное лицо с изящным подбородком, красивыми дугами бровей, манящим ртом.

– Тата, прекрати, когда протрезвеешь, тебе будет стыдно. – Сима ещё раз осмотрела незнакомца и что-то для себя решила. – Раз вы уж попались на нашем пути, добрый самаритянин. Выручите нас, подбросьте домой. Не волнуйтесь, мы заплатим.

Девушки, трезвея, почувствовали сырой прохладный воздух, начали дрожать.

– Отвезу. Только придётся немного пройти. Моя машина стоит возле клиники, – ответил Олег, чувствуя себя немного неловко под пристальным взглядом Симы.

– Татка, ты можешь стоять, я возьму сумочки со скамейки?

– Я могу всё! – уверила подругу Татка.

Спортсменка, оставив подругу, побежала за фонтан. Девушка, оставленная на попечение Олега, продержав равновесие несколько секунд, угрожающе наклонилась в бок. Олег быстро подхватил ее. Мокрые волосы миниатюрной пьянчужки упали ему на плечо, промочив тонкую рубашку, влажное платье Татки охладило ему бок.

– Э! – Сима, вернувшаяся с двумя сумочками в руках, с возмущением окинула взором обнявшуюся парочку.

– Падала, – объяснил он. – Я помогу довести её до машины. Кстати, меня зовут Олег, вас я уже знаю. Только не понял, Татка, это сокращённое от Татьяны?

– Не-а, от Натальи, – хмыкнула куда-то ему в подмышку пигалица. – Но все зовут меня Тата или Таша, я привыкла.

Триста метров они тащились минут двадцать. Когда выбрались из парка, обнаружилось, что на улице дует ветерок. Обе девушки дрожали, как осиновые листья, выбивая зубами дробь.

Подруги уселись на заднее сиденье машины и прижались друг к другу. Олег завёл машину и включил печку.

– Нам нужно в Северный район, там, где гипермаркет. Улица Кленовая двадцать, – пробормотала Сима и широко зевнула.

– Ничего себе! Это другой конец города. Неужели ресторана поближе не нашлось? – удивился Олег. – И сколько годков, если не секрет, отмечали? – Он глянул в зеркало заднего вида. Татка притулилась к мощной груди подруги и закрыла глаза.

– Итальянского не нашлось. Таше шарахнуло двадцать восемь, и она обожает спагетти с морепродуктами. Вы не волнуйтесь, мы не все деньги пропили, есть чем заплатить за поездку.

Олег улыбнулся:

– Не надо платить, считайте компенсацией за не появившийся подарок. А то будете считать всех мужчин необязательными.

Нахмуренное лицо Симы разгладилось.

– И не говорите! Подвёл гад. Сам просил познакомить с Таткой и не явился.

Таша всхрипнула.

Олег хмыкнул: «Такая мелкая, а уже выпивоха и храпит к тому же».

Сима заметила в зеркале его насмешливый взгляд и поспешила оправдать подругу:

– У нее нос заложен. Не думайте, Олег, мы не алкашки какие-то. Чуток шампанского перебрали на голодный желудок. Пока нам принесли спагетти, мы успели бутылку шампанского выпить. Правда, – девушка замялась, – мы потом ещё две приговорили. С горя. – Она посмотрела в окно. – Олег поверните здесь. К нашему дому лучше подъехать с другой стороны.

Олег, слушая её указания, повернул на узкую улочку, затем свернул в двор-коробку, образованную четырьмя девятиэтажными зданиями.

– Третий подъезд, во-о-н того дома, – показала Сима на панельный дом-близнец.

Он остановил машину.

– Татка, просыпайся, приехали, – Сима тормошила разомлевшую в

Голова Татки моталась из стороны в сторону, но глаза не открывались.

– Она в отрубе. Погодите, Сима. Я сейчас вам помогу. – Олег вылез из машины, открыл дверцу, выволок девушку наружу и поднял на руки. – Показывайте, куда идти.

Сима захлопнула дверцы машины и поспешила вперёд. Быстро набрала код на двери, распахнула, чтобы Олег пронёс Ташу. Лифт остановился на седьмом этаже. Пока спортсменка возилась с ключами, Олег украдкой разглядывал свою ношу. Девушка сладко спала у него на руках, тени от ресниц упали на щёки, губы припухли. Он быстро наклонился и прикоснулся ко рту Таши. От девушки пахло шампанским и спелым виноградом. Олег почувствовал себя воришкой, укравшим поцелуй спящей красавицы. Он такой щепетильный и разборчивый в связях, сейчас ощущал непреодолимую нежность к этой маленькой выпивохе. Сима наконец справилась с дверью, успев перебрать три связки ключей.

– Чёрт! На фига Татка носит с собой всё. – Сима, продемонстрировав ему штук двадцать ключей, отворила дверь. – Заносите.

Олег положил спящую девушку на диван.

– Дальше я сама. Спасибо, Олег. Может, всё-таки возьмёте деньги?

– Будем считать достаточной платой номер телефона именинницы.

Сима усмехнулась:

– Записывайте, Надеюсь, Таша меня не убьёт, когда проспится.

Пациентка закончила рассказ о своей семейной жизни. Приподнялась в кресле.

– Олег Александрович, что со мной не так? В семье всё хорошо: у меня замечательный муж, послушные дети, добрая свекровь. Откуда эти кошмары? Я плохо сплю, стала раздражительной, нервы на пределе, срываюсь по пустякам без всякой причины. А ещё этот ужас. Накатывает непонятно откуда, и я не могу с ним справиться. Вы мне поможете?

Врач добродушно улыбнулся, скрывая растерянность.

– Конечно, помогу. Сейчас расслабьтесь, я введу вас в сон и постараюсь выяснить причину ваших страхов.

С таким случаем он столкнулся впервые. Алла Ивановна уснула. Олег пригляделся к лицу пациентки, по нему то и дело, словно тень, пробегала лёгкая судорога. Олег просмотрел медкарту. В десятилетнем возрасте Алла попала в детдом, кто были её родители, неизвестно. Почему девочка оказалась на улице? Где жила раньше? Сведений нет. В семнадцать лет Алла поступила в педагогический институт. Закончила. И уже четырнадцать лет с перерывом на декретные отпуска работает в школе учителем географии. Имеет двоих детей: мальчика двенадцати лет и пятилетнюю девочку. Приступы панического ужаса начались после рождения дочери. Оказалось, Алла Ивановна просто не в состоянии купать дочь. Как только малышку опускали в воду, у женщины темнело в глазах, накатывал жуткий страх. В остальном была вполне адекватна. Со временем к приступам паники, добавилась бессонница и всё связанное с нею. Пациентка подробно поведала о работе, тепло отзывалась о коллективе, с обожанием говорила о муже и детях. Пока она рассказывала, Олег Александрович любовался её душой. Красивая душа-человечек, похожая на маленькую девочку, внимательно смотрела на него и молчала. Это означало одно: хозяйка души говорила правду и светящемуся существу просто нечего добавить. Он уже знал: души, выглядевшие детьми, всегда любящие, молоды, добры и открыты для познания. Души, смахивающие на старичков, утомлены жизнью, разочарованы, печальны. Видимо, наши предки тоже что-то знали о душах, ведь недаром существуют выражения «молодая душа», «старая душа», «больная душа». От того что носит в себе человек, зависит и облик души. Олег Александрович за свои не такие уж и большие годы нагляделся на душ-уродцев, на душ-простушек, реже на душ-красавиц, но вот с такой

душой-молчуньей столкнулся впервые. Доктор решил использовать гипноз для погружения в прошлое.

– Алла, вы слышите меня.

– Да, – ответила пациентка спокойным монотонным голосом.

– Вам тридцать один год, на свет появилась ваша дочь. Расскажите, что вы чувствуете? – поинтересовался врач.

– Мы так мечтали о девочке и вот наша мечта сбылась. Я счастлива, не могу на неё налюбоваться. Саша подарил серьги с аквамарином, камень одного цвета с глазами нашей дочери. В день выписки из роддома мои родные пришли с огромными охапками сирени. Вся машина пропахла ею. С тех пор радость для меня имеет запах сирени.

– Вы дома. Вечер. Решили искупать дочь.

– Я раздела Сонечку, она такая маленькая, беззащитная. Свекровь добавила в воду отвар ромашки, померила температуру. Малышка смеётся, ей понравилось купаться... – Алла Ивановна замолчала, а через секунду раздался её душераздирающий крик: – Нет! Вытащите её из воды! Не надо! – тело пациентки изогнулось дугой.

Олег Александрович схватил женщину за плечи и чётко произнёс:

– Всё в порядке. Девочку выкупали, она спит.

Тело Аллы Ивановны сотрясала мелкая дрожь, глаза закатились.

– На раз, два, три вы просыпаетесь, – врач щёлкнул пальцами.

Пациентка открыла глаза, вздохнула и тихо спросила:

– Выяснили?

– Пока нет. Скажите, вы хоть что-нибудь помните до возраста десяти лет?

Алла Ивановна обвела взглядом уютную обстановку кабинета, множество цветов, среди которых преобладали герани, и покачала головой.

– На следующий сеанс попробуем погрузить вас в более глубокий сон и попытаемся приоткрыть завесу над вашим детством.

Олег договорился о встрече с Ташей на восемь вечера. Сначала девушка долго отнекивалась, он мягко, но решительно настоял.

– Наташа, когда я нёс вас на руках, вы уронили весьма недешёвую заколку. – В трубке телефона раздался стон и тихое бормотание: «О боже», как стыдно». – Я хотел бы вернуть её вам, а также вы сможете поблагодарить меня за переноску тяжестей. – По правде говоря, он не чувствовал никакой тяжести, девушка весила самое большее пятьдесят килограммов, а заколку Олег сам снял с её волос, так, на всякий случай.

– Хорошо, я освобожусь к восьми. И не зовите меня так, я не привыкла, – буркнула строптивница.

На Кленовую двадцать он подъехал без пятнадцати восемь. Заглушил мотор, включил негромко музыку и приготовился ждать. Оркестр Поля Мориа не успел доиграть «Жаворонка», как кто-то постучал в стекло. Олег открыл глаза – Татка стояла рядом с машиной и насмешливо смотрела на него. Машинально он бросил взгляд на часы – ровно восемь. Олег вылез из авто.

– Давайте вашу заколку. – Татка протянула ладонь. – И вот ещё... спасибо, что доставили моё тело в целости и сохранности домой.

Олег протянул заколку и улыбнулся.

– Не совсем в сохранности. Я вас поцеловал. И теперь обязан на вас жениться. – На него вдруг напал весёлый азарт. Девушка сейчас выглядела необыкновенно привлекательно.

Волосы, забранные в высокий хвост, открывали стройную шею, аккуратный ровный нос смешно морщился, на щеках алел румянец.

Татка кашлянула и вдруг призналась:

– Знаю. Когда вы тащили меня из машины, я проснулась. Но потом вы взяли меня на руки, я решила: когда ещё будут носить на руках, надо пользоваться, – она засмеялась серебристым, так понравившимся ему смехом. Татка не собиралась говорить ему, что сквозь ресницы рассматривала лицо добровольного помощника. Густые чёрные брови, неожиданно яркие голубые глаза, прямой с небольшой горбинкой нос, девчачью родинку над верхней губой, синеватые от щетины щёки.

– Ну, раз вы меня прощаете, как насчёт ваших любимых спагетти? Таша, давайте поужинаем. Я голоден, как волк. Обязуюсь доставить вас обратно, когда скажете.

Татка махнула рукой.

– А давайте! Собиралась чуток поманерничать, но... фиг с ними с правилами.

Он открыл дверцу машины, не веря своей удаче, Таша впорхнула на переднее сиденье. Оркестр Поля Мария доиграл «Жаворонка» и начал «Шербургские зонтики», Олег протянул руку.

– Давайте я поставлю что-нибудь другое.

Татка накрыла его руку своей, останавливая.

– Нет-нет, сейчас будет самая красивая часть. Мне очень нравится.

Дорога на этот раз показалась обоим короткой. В будний день в зале ресторана находилось мало посетителей. Компания из шести женщин и двух мужчин отмечали чьё-то день рождения. Олег заказал салат из морепродуктов, овощную нарезку, спагетти и бутылку шампанского.

– Вам понравилось носить меня на руках или не можете видеть трезвую, – ухмыльнулась Таша.

Олег улыбнулся, расправил салфетку.

– Вряд ли вам удастся напиться с двухсот граммов шампанского. Но пьяненькая вы очень смешная. Таша, кто вы по профессии?

Собеседница прищурила глаза.

– У меня скучная профессия я – паспортистка. А вы?

Олег отвлёкся на светящееся облачко, появившееся в районе груди Таши. Облачко сформировалось в забавного человечка-девочку. Малышка подмигнула ему и он услышал:

– Она говорит неправду, ей нравится суматоха паспортного отдела.

Татка помахала рукой перед лицом мужчины, который уставился на её грудь.

– Что с вами? Куда это вы смотрите? Вы часом не маньяк?

Олег покосился на улыбчивого человечка и ухмыльнулся:

– Я работаю в клинике психотерапевтом. Так что недалеко ушел от маньяка. Простите, Таша, на секунду задумался. – Он открыл шампанское, разлил по бокалам. – Давайте выпьем за знакомство. А вы давно дружите с Симой?

Татка выпила шампанское, промокнула губы салфеткой.

– С детства. Раньше я жила в этом районе, здесь и сейчас живут мои родители. Три года назад я переехала на Кленовую к бабушке. После её смерти осталась там жить.

Девочка-душа сжала руки в кулачки и прошептала:

– Милый папочка хотел отправить свою мать в дом престарелых. Таше пришлось ухаживать за лежащей больной два с половиной года и вдвоём жить на пенсию старушки. Мама его поддержала и не помогала упёртой дочери ничем. А сейчас родители судятся с ней за эту квартиру. Только их бедных ждёт разочарование. На этой неделе вернётся подруга бабушки и предъявит завещание на Ташу.

Слёзы блеснули в глазах Татки. Она налила минералки в бокал и залпом выпила.

– Извините, Олег. Мне очень не хватает бабушки, прошло уже четыре месяца после её смерти, а я никак не привыкну, что её больше нет.

Девочка-душа, тоже вытирала слёзы обеими ладошками, крохотные плечи вздрагивали. Олег почувствовал, как его душа потянулась к Ташиной. Он расширенными глазами смотрел на встречу душ. Свою он увидел впервые. Обрадовался, что она нестарая и не уродливая, как опасался. Соприкосновение душ длилось мгновение, но он успел ощутить их родство. Олег заглянул Таше в глаза и понял: она ощутила тоже самое.

– Мы не должны потерять друг друга. Ты моя половинка, – произнёс он. – Может после, мы забудем это мгновение, но сейчас ты ощутила это. Ведь, правда?

Таша, как замороженная, смотрела ему в глаза. Потом медленно кивнула.

– Вам девять лет, как вас зовут? – Олег Александрович погрузил пациентку в глубокий гипноз.

Женщина размеренно дышала, лицо осветила улыбка.

– Алла. Мама называет меня Аленькой. У мамы наконец выдалась свободная минутка, и она рисует со мной платья для бумажных кукол. У меня тоже получаются красивые наряды, но у неё лучше. – Лицо пациентки сделалось сердитым и недовольным. – Опять бабушка зовёт. Она никогда не даёт нам поиграть, вечно ей что-то надо.

– Бабушка живёт с вами? – поинтересовался врач.

– Да. Она «лежачая». Мама говорит, что я не должна злиться. Бабушка страдает и ей нужно сочувствовать. Но я не могу сочувствовать. Она плохо пахнет и похожа на бабу ягу, а ещё она меня щиплет, когда я приношу ей воды. Бабушке постоянно что-то нужно, когда я хочу быстро от неё отойти, начинает расспрашивать всякие глупости: какая на дворе погода, что делает соседка, всё ли мама посадила в огороде. Я не люблю бабушку, она часто кричит на меня. А ещё она всё время ворчит на маму.

Я слышала, как она выговаривала ей: «Ты, Маруська, совсем сдурела. Зачем оставила этого ребёнка, нужно было сделать аборт. Плодишь нищету. Самим жрать нечего, а тут ещё лишний рот добавится». У мамы большой живот, там у неё ребёночек, она давала мне послушать, как бьётся его сердечко. А ещё я видела: малышок двигался. Так интересно за этим наблюдать, словно под кожей мячик перекачивается.

Я спросила маму: «Что такое аборт?» Она рассердилась на меня и сказала: «Меньше надо подслушивать. Бабушка просто ворчит от скуки, на самом деле она так не думает». Но я всё равно узнала от подружки Светы, что это такое? И ещё больше разозлилась на бабушку. Она хотела убить ребёночка в мамином животе.

Олег Александрович подвинул стул ближе к креслу пациентки и тихо поинтересовался:

– Алла, как называется село, в котором ты живёшь с мамой и бабушкой?

Под закрытыми веками Аллы Ивановны беспокойно двигались шарики зрачков.

– Крутило.

Доктор осторожно выдохнул, боясь спугнуть пациентку лишним движением.

– Ты уже большая девочка, наверно, знаешь, какой город расположен неподалёку. И свою фамилию помнишь?

Лицо Аллы Ивановны насупилось, пациентка произнесла недовольным детским голосом:

– У меня пятёрка по географии! Недалеко от нашего села город Шахты. А фамилию свою я знаю с трёх лет – Коробова. Меня в классе мальчишки коробкой дразнили, но я им быстро по шее надавала.

– Алла Ивановна, расскажите о том времени, когда у вашей мамы родился малыш. – Олег Александрович не верил удаче. Из прежних сведений о пациентке он знал: в детдоме девочка не вспомнила, нигде родилась, никакая у неё фамилия, ни кем были её родители. Она знала только своё имя. Врачи предположили амнезию в результате травмы или стресса. Память к ней так и не вернулась. В детском доме ей дали новую фамилию и новое отчество.

Алла Ивановна, услышав о малыше, вздрогнула, руки сжались в кулаки.

– Маму забрали в роддом, я осталась с бабушкой. Кормила её, давала лекарства. – Слезы побежали по щекам женщины. – Я плохая девочка, мне так надоело всё время находиться в доме с бабушкой. На улице бегали ребята, а она не позволяла мне выйти к ним хоть ненадолго.

Врач осторожно погладил пациентку по плечу и ласково сказал:

– Все дети должны гулять, и ты хотела. Расскажи. Что было дальше? Мама вернулась из больницы, и ты увидела малыша...

– Сестричку. У меня появилась сестричка. Крохотная. Сначала она мне показалась некрасивой, но через месяц Соня стала похожа на куклу, только живую. Она улыбалась мне. Правда, правда. Мама кормила Сонечку и бежала разносить почту, а я меняла сестричке пелёнки и присматривала за бабушкой. Я открыла окно в комнате бабушки, чтобы проветрить. На улице светило солнце, в палисаднике цвели пионы. Я дала сестричке понюхать розовый пион, ей понравился запах. – Слезы безостановочно катились по щекам пациентки. Лицо исказила мука. – Соня укакалась, и я понесла её мыть. У неё даже спина вымазалась. Я налила в ванночку воды и положила её туда. И тут меня позвала бабушка. Я ответила, что подойду позже, мою сестричку. Бабушка закричала, что задыхается и ей немедленно нужны таблетки. Я кинулась в спальню и подала лекарство. Бабушка вцепилась в мою руку, её лицо посинело. Я так испугалась, стала выдергивать свою руку и не могла. Еле отцепила её пальцы. Побежала туда, где оставила Соню... – Пациентка закричала, её тело выгнулось дугой. – Я не хотела, я не виновата... Сестричка лежала под водой. Я так испугалась. Вытащила её из ванны, положила на кровать и укрыла одеяльцем. Помчалась за мамой короткой дорогой через лесок. Она всегда заканчивала разносить почту на дальней улице. – Алла Ивановна рыдала в голос.

Олег Александрович разбудил пациентку. Дальнейшее он уже знал. Семейная пара, которая ехала на машине в город, увидела девочку, бредущую ночью по дороге. Они остановились и попытались расспросить ребёнка, но девочка молчала и только смотрела на них безумным взглядом. Нашли Аллу в Богучарах. Получается, ребёнок ушёл от дома за сто километров. Где она бродила? Сколько времени? Теперь можно только догадываться. Измученную, невменяемую девочку супруги отвезли в больницу. А потом Алла попала в детдом.

– Я убила собственную сестру, – прошептала пациентка хриплым голосом. – Ужас!

Олег Александрович подал ей салфетки. Алла Ивановна вытерла слезы.

– Если это и произошло, то вы не виноваты. Главное, вы вспомнили родных и место, где жили раньше. Нужно отправиться в село и всё выяснить. Человеческая память хитрая штука, иногда она играет с нами в странные игры.

Пациентка встала с кресла.

– Я всё вспомнила, хочу немедленно отправиться в Крутило. Бедная мама потерять в один день сразу двух дочерей...

Олег Александрович запротестовал:

– Утро вечера мудренее. Давайте сделаем так. Вам есть с кем оставить детей?

Алла Ивановна фыркнула.

– У меня прекрасная свекровь, я ей полностью доверяю. Она побудет с Сонечкой. – Женщина вскрикнула и зажала рот рукой. – А ведь я, получается, назвала дочь, как погибшую сестру. Не помнила, а назвала.

– Поговорите с мужем и отправляйтесь вместе... – доктор с тревогой наблюдал за метаниями пациентки по кабинету.

Алла Ивановна в ужасе перебила его.

– Нет. Я не хочу, чтобы муж узнал об этом кошмаре. Доктор, вы можете отвезти меня туда, вы же должны способствовать моему лечению. Я умоляю, помогите мне.

– Хорошо. Завтра рабочий день, вам нужно договориться в школе, а мне отменить сеансы с пациентами. В девять утра я жду вас у клиники.

Таша наблюдала за ловкими движениями Олега. Он сворачивал из тетрадного листка журавлика – третьего по счёту. На панели перед задним стеклом машины уже разместились бумажная собачка, тюльпан, самолётик, кузнечик, но журавлик ей приглянулся больше остальных фигурок. Она попросила научить и её мастерить журавлика из бумаги. Скомкав очередной лист, она сдалась:

– Всё. Хватит. В машине плохое освещение. Я наверно что-то пропускаю.

Олег съехидничал:

– Или кто-то сильно торопится.

Сегодня вечером они долго бродили по городу, беседовали. Таша не захотела никуда идти и согласилась только на прогулку. Сначала она угрюмо молчала, но потом Олег сумел её разговорить. Оказалось, родители настаивают на продаже бабушкиной квартиры. Они уже наметили покупку большого четырёхкомнатного пентхауса в центре города. Дочери собирались выделить комнату в этих хоромах.

– Я чувствую себя последней сволочью, – пожаловалась Таша. – Мама всегда мечтала жить в центре, в большой современной квартире. Но я, как увидела этот ужас под крышей – сплошное стекло и пластик. Поняла, что не смогу там жить. – Она закусилла нижнюю губу и опустила голову. – Я плохая дочь. Представляешь, вдруг осознала: не понимаю родителей и не хочу с ними жить. Не знаю, как им сказать, что никуда не буду переезжать и останусь в бабушкиной квартире. Ведь я разрушу мечту мамы. Они такие довольные, строят планы. – Таша подняла голову и посмотрела ему в глаза. – Мне трудно их простить, о новой квартире они заговорили в день похорон. Как будто бабушка ничего для них не значила, так... обуза и всё.

Олег обнял Ташу за плечи и поцеловал в висок.

– Продажу бабушкиной квартиры ты считаешь неким предательством. Так ведь?

Она кивнула и провела кончиками пальцев по ладони Олега. Он улыбнулся.

– Щекотно. Родители будут вынуждены смириться с твоим решением. Куда они денутся, поменяют планы.

– Ты плохо знаешь мою маму. Если она что-то задумала, в лепёшку расшибётся, но сделает так, как нужно ей. Однажды я уже пошла против воли родителей, отказалась выходить замуж за Себастьяна. Сына хорошего знакомого отца. Мама пять лет меня пилила: «Богатая семья, перспективы, отдых за рубежом».

Олег сердито поинтересовался:

– Он тебе нравился?

Таша улыбнулась, уловив ревнивые нотки в его голосе.

– Себастьян учился на одном курсе со мной. На юридическом, – уточнила она. – Хороший парень, умный, не кичился папой большим начальником. Мы просто дружили, пока он не надумал перевести наши отношения в нечто большее.

Олег нахмурился, непроизвольно прижал девушку ближе к себе. Таша не сделала ни одной попытки отстраниться, и он успокоился.

– Себастьян хороший друг, но представить его в качестве мужа я не могла: никаких чувств к нему не испытывала.

– И правильно. – Олег приподнял рукой подбородок девушки, прижался ртом к её губам. Спустя минуту, оторвавшись от губ Таши, прошептал: – Ты меня ждала, а я тебя.

Она усмехнулась:

– Хочешь сказать, что ты тоже никого не любил?

– Нет. Я искал родственную душу. И всё не мог найти, пока не встретил тебя.

Они сидели на заднем сиденье машины Олега. Свет, включённый под потолком, огоньками отражался в его зрачках. Таша смотрела в его глаза и чувствовала волнение и трепет.

– А как ты узнал, что мы родственные души?

– Почувствовал. Я уверен, и ты это ощутила. – Он стал покрывать нежными поцелуями её лицо.

– Да. Я не могу объяснить словами, но вдруг поняла, будто знаю тебя давно, ждала тысячу лет и очень соскучилась. Как я могла скучать за человеком, которого раньше не видела? Странное чувство, – бормотала Таша, тая от его поцелуев.

– Странное, – согласился Олег, – но правильное. Вполне возможно наши души давно не встречались, вот и тосковали. – Он чуть отстранился, успокаивая дыхание.

– Ты веришь в бессмертие душ?

– Непросто верю. Я их иногда вижу. И это видение использую в своей работе. У тебя очень красивая душа, – признался он. Таша оказалась вторым человеком, которому Олег открыл свою тайну.

Она отодвинулась, пытаясь уловить: серьёзно ли он говорит.

– В смысле... ты смотришь сквозь кожу, кости и в глубине человека видишь душу? На самом деле? И как душа выглядит?

Олег взял в свои руки Ташины.

– Душа не привязана к телу. И я не вижу сквозь тело. Она сама показывается в области груди. Иногда это выглядит очень забавно. Светящийся человечек выглядывает из одежды, или висит неподалёку от сердца. Я думаю душа – это энергоёмкая матрица нашей сущности, сияющий сгусток некоей материи, бессмертное ядро человеческого организма.

– А как этот человечек выглядит? – Глаза собеседницы горели от любопытства.

Олег обрадовался: если она и не поверила ему до конца, то, во всяком случае, сумасшедшим не посчитала.

– У всех по-разному. Старым, молодым, красивым, страшным.

Таша освободила свои руки из кистей Олега. Задумчиво взъерошила свои волосы.

– А случилось такое, что ты совсем ничего не видел?

– Да. Несколько раз. Ощущение жуткое. Будто говоришь не с людьми, а с биороботами. К тому же у обычных людей я вижу душу не сразу, мне нужно побеседовать, пообщаться. Как бы вызвать на разговор. Но бывало, она показывалась и с первого раза, но редко.

Таша посидела немного в задумчивости и пробормотала:

– Странно не то, что ты видишь, странно то, что я тебе верю.

Олег притянул её к себе.

– Спасибо. Чудо ты моё ненаглядное.

Автомобиль свернул на просёлочную дорогу. На дорожном указателе значилось: Крутило десяти километров. Олег Александрович покосился на бледное лицо пассажирки. Алла Ивановна молчала с момента их выезда на федеральную трассу. Она появилась возле клиники за полчаса до назначенного времени. Ему пришлось спешно дописывать карточки,

бросать бумажную работу. Заведующий клиникой далеко нестарый человек, почему-то требовал дублировать назначение лечения не только в электронном виде, но и в письменном. Едва он показался в дверях клиники, пациентка поспешила ему навстречу. Олег Александрович показал на машину в дальнем углу парковки, Алла Ивановна сухо поприветствовала его. Подойдя к авто, он открыл переднюю дверцу. Пациентка уселась, достала из сумки маленькую бутылку минералки, сделала несколько глотков.

Врач выехал со стоянки на дорогу.

– Постарайтесь успокоиться.

Она повернулась к нему, её глаза яростно сверкнули.

– Знаете, что бесит больше всего? – Секунду помолчала и сердито ответила на свой вопрос: – Идиотские невыполнимые рекомендации.

Олег Александрович нахмурился: только нервного срыва пациентки ему и не хватает.

Алла Ивановна тряхнула головой, отгоняя назойливые мысли, словно мух.

– Извините.

Весь путь до Крутилово они проделали молча.

По обочинам дороги потянулся негустой лес. Клёны и акации сменила алыча и дикие абрикосы, за деревьями показались первые дома. Машина въехала в село.

– Алла Ивановна, вам что-нибудь кажется знакомым?

Она растерянно покачала головой.

– Я помню грунтовую дорогу, а теперь асфальт. Деревьев стало совсем мало, улица какая-то голая и тротуаров тогда не существовало... Ой, погодите! – вскрикнула она. – В этом доме жила бабушка Женя, она часто угощала меня пирожками. Давайте сначала остановимся здесь, я переведу дух и спрошу у неё о своей семье.

– Как хотите. – Олег Александрович остановил автомобиль. – Я с вами.

Они направились к старой белёной хатке, почти вросшей в землю. Маленькие оконца находились от земли на метровом уровне. Только подойдя ближе, заметили: двор зарос травой, на крыше зияют дыры, осколки битой черепицы валяются на бетонной дорожке.

– Здесь давно никто не живёт, – вздохнула Алла Ивановна.

Вернулись к машине. По дороге навстречу им ехала велосипедистка. Она пристально смотрела на Аллу Ивановну, проехав мимо них, ещё несколько раз оглянулась.

– Давайте попробуем найти ваш дом. Я поеду медленно.

Машина двинулась по улице черепашим шагом, пациентка усиленно вглядывалась в проплывающие мимо дома.

– Не вспомнили? На другую улицу поворачивать? – Врач обеспокоенно посмотрел на бледное лицо женщины.

– Нет. Наш дом стоял на этой улице. В середине. Но я ничего не узнаю.

Олег Александрович остановил машину напротив старушек, сидящих на лавочке.

– Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, где дом Марии Коробовой? – громко выкрикнул он.

Бабулька в белом платочке, приложив руку ко лбу ковшиком, попыталась разглядеть незнакомца, задавшего вопрос. Потерпев неудачу из-за слепящего солнца, сдалась и ворчливо ответила:

– От моего дома по счёту третий с синими воротами. Да там Сонька Коробова в палисаднике возится, увидите.

Врач услышал испуганный вскрик рядом.

– Что она сказала?

– Алла Ивановна, потерпите, сейчас всё выясним. – Олег Александрович дотронулся до плеча спутницы.

Через сто метров машина остановилась у аккуратного дома на три окна. Стены, покрытые песочного цвета штукатуркой типа «короед», сочетались с тёмно-коричневой черепицей. Возле дома росла немного однобокая ель. За сетчатым забором среди кустов пионов возилась молодая женщина. Врач пожал дрожащую ладонь Аллы Ивановны.

– Ну же. Будьте храброй. – Он уже заметил сходство обеих женщин и надеялся, что его догадка сейчас подтвердится.

– Это другой дом, я жила не в таком, – прошептала пациентка.

Алла Ивановна на подкашивающихся ногах поплелась к забору. Олег Александрович отправился следом. Незнакомка подняла голову и удивлённо воззрилась на них.

– Вы кого-то ищете?

– Коробовых, – голос Аллы Ивановны охрип.

Женщина прислонила тятку к стене дома и подошла к гостям. На её смуглом лице отразилось удивление. Гостя напоминала ей кого-то.

– Я Коробова. Что вы хотели?

Алла Ивановна покачнулась. Доктор подхватил её под руку.

– Как вас зовут? – выдавила из себя Алла Ивановна.

– Софья.

Из постройки рядом с домом, вытирая мокрые руки фартуком, вышла женщина лет шестидесяти, посмотрела на гостей.

– Доченька, все уже за стол сели. Только тебя ждём.

Олег Александрович услышал сдавленный возглас рядом с собой и не успел подхватить пациентку. Алла Ивановна рухнула в траву рядом с забором. Женщины, выскочившие из двора, пришли ему на помощь, помогли усадить Аллу Ивановну на лавочку. Она открыла глаза и, с изумлением глядя на молодую женщину, назвавшуюся Софьей, сдавленно произнесла:

– Но как? Ты была мертва, когда я вытащила тебя из ванны...

Софья посмотрела на побледневшую мать.

– О чём она говорит?

Мария Петровна сначала растерянно поправила платок на голове, потом прижала дрожащие руки к груди. Онемевшими губами еле слышно прошептала:

– Аллочка, деточка, неужели это ты. – Потом бросилась к сидящей на лавочке Алле Ивановне, упала на колени и обняла её за талию.

Обе женщины заплакали.

Софья покосилась на мужчину, который с улыбкой наблюдал за встречей женщин, и процедила возмущённо:

– Что здесь происходит? У мамы больное сердце, ей нельзя волноваться.

Олег Александрович улыбнулся.

– Эта женщина ваша старшая сестра.

– Что!?

Алла подняла мать с колен, обняла её за плечи. Мария Петровна вытерла слёзы фартуком и немного ворчливо сказала:

– Пойдёмте в дом, там поговорим обо всём, а то бедные соседи от любопытства лопнут.

Олег Александрович повернул голову направо. Облокотившись на низкий забор, глазами, горящими от любопытства, за ними наблюдали две старушки божьи одуванчики. Софья отворила калитку, пропуская гостей вперёд. По дорожке из каменной крошки вся процессия прошла на кухню.

– Садитесь, заодно и отобедаете с нами. – Мария Петровна бестолково засуетилась, передвигая тарелки на столе.

В небольшом светлом помещении за круглым столом, накрытым клеёнкой яркой расцветки, на белом фоне громадные клубничины с парой зелёных листочков, сидели двое детей-близнецов и мужчина лет тридцати. Вся компания удивлённо взидала на вошедших. Лица мальчишек, перепачканных кашей, выражали восторг и радость: раз прибыли гости, будут подарки.

– Алла, я правильно поняла, вас зовут Алла? – Софья указала сестре на стул. – А вы извините, не знаю кто, садитесь сюда. – И обернувшись к матери, добавила: – мама, не суетитесь. Я сама подам обед. – Она направилась к шкафу, достала тарелки и стала наливать суп.

– Меня зовут Олег Александрович. Я лечащий врач Аллы... – представился доктор, опустив отчество пациентки

– Я Фёдор, муж Сони, а это наши дети, Егор и Михаил.

Мария Петровна не сводила глаз с лица вдруг воскресшей дочери. Она протянула руку и погладила Аллу по щеке.

– Доченька, что же случилось тогда, почему ты исчезла?

Алла Ивановна прижала щекой руку матери и стала рассказывать свою печальную историю.

– Я купала сестрёнку, меня отвлекла бабушка. Ей стало плохо. Я дала ей лекарство и хотела бежать назад, но она вцепилась в мою руку и не отпускала. Когда наконец вырвалась и примчалась в ванную, увидела: Соня лежит под водой. Я вытащила сестру и положила на стол. Она не дышала... Я так испугалась... кинулась через лесок искать тебя, мама... Всё что происходило дальше, как в тумане. Очнулась в больнице. Потом детдом. Я не могла вспомнить ни фамилию, нигде раньше жила, только имя всплыло на ум, и то я не знала моё оно или нет. А пять лет назад после рождения дочери меня стали мучить кошмары. А обратилась за помощью в клинику к Олегу Александровичу. Вчера он помог мне восстановить прошлое, и я всё вспомнила.

Олег Александрович с аппетитом ел домашнюю лапшу и слушал рассказ сначала Аллы, потом её матери.

– Когда я вернулась домой, Соня орала так, что слышно было на улице, ей вторила из спальни моя мать. Бабушка материлась, как сапожник. Я схватила дочь на руки и побежала в спальню к матери.

– Вы совсем решили меня извести? – кричала она. – Чего горланит ребёнок? И где твоя никудышная дочь делась, небось, опять сбёгла на гульки к подружкам?

Я тоже сначала решила, что ты убежала с подружками, бросив без присмотра сестру, и здорово разозлилась на тебя. Но потом увидела воду в ванной, замоченные пелёнки, опять же Сонечка голая лежала. Не могла ты так оставить её. Что-то произошло. Настал вечер, ты не появилась и тогда я подняла панику. Тебя искали всем селом. Господи, что я пережила тогда, вспомнить страшно. В милиции меня уверяли, что найдут быстро, но прошёл год, два и никаких следов. Я уж отчаялась увидеть тебя когда-нибудь.

Олег протянул букет крупных лесных ромашек Таше. Он сорвал их на опушке лесочка, когда возвращались из Крутилино. Алла Ивановна, он, по-прежнему путаясь, называл её так, хотя теперь знал, что настоящее отчество женщины Егоровна, попросила остановить машину возле леса. Пока пациентка бродила между деревьев, Олег Александрович заметил полянку, усеянную высокими кустиками ромашек. Он нарвал большой букет желтоглазых цветов для Татки.

– Ой, мои любимые! – воскликнула она и сунула нос в цветы. – Откуда ты узнал? Неужели моя душа поведала? – Её нос и щёки окрасила жёлтая пыльца.

Олег вытер лицо Таши носовым платком и улыбнулся.

– Угадал случайно. Нет, твоя душа давно не показывалась.. Но я рад, что тебе они нравятся. Я с такими усилиями сохранял их свежесть.

Девушка приподнялась на цыпочки и чмокнула его в губы.

– Спасибо. Давай сегодня никуда не пойдём? Я сейчас поставлю цветы в воду, а потом мы просто погуляем по городу.

Олег кивнул. Ему самому не хотелось никуда идти. Он проводил Ташу взглядом, ясно осознал: она должна находиться рядом каждую секунду, каждое мгновение.

По возвращении Таши они направились в парк. Олег рассказал о поездке и чудесном обретении семьи пациенткой.

– Как получилось, что девочка приняла сестрёнку за мёртвую? – поинтересовалась она. – История прямо для кино.

Олег усмехнулся.

– Жизнь, по-моему, интереснее любого фильма. Думаю, младенец всё же успел наглотаться воды, но был жив и просто молчал. Алла запаниковала и в ужасе побежала за помощью к матери. Про соседей она, вероятно, даже не вспомнила.

Мимо лавочки, на которой они сидели, смеясь, пробежали дети лет пяти. Следом за ними мчалась молодая женщина, размахивая детской сабелькой. Олег с Ташей проводили весёлую троицу взглядом.

– А вот со мной родители не играли, – взгрустнула Таша. – Сегодня мама позвонила с утра пораньше, умоляла принять решение по бабушкиной квартире. Они нашли покупателей на обе квартиры и готовы внести первый взнос за пентхаус.

Олег удивился:

– А разве ты уже вступила в наследство?

Таша вздохнула.

– Покупатели согласились оформить сделку чуть позже. Мама настаивает принять решение побыстрее, боится упустить выгодных покупателей. Главное, она не слышит меня. Если они с отцом всё решили, зачем спрашивают?

На плечо девушки села ночная бабочка. Олег осторожно подставил ей пальцы, она перебралась на его руку. Таша вздрогнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.